Е.П. Блаватская
ЧЕРНАЯ МАГИЯ В НАУКЕ (BLACK MAGIC IN SCIENCE)

...Исследование начинается там, где догадки нашего времени складывают свои ненадежные крылья
Бульвер-Литтон: "Занони"

Плоское отрицание вчерашнего дня стало научной аксиомой сегодня.
Афоризмы здравого смысла

Тысячи лет назад фригийские дактили, посвященные жрецы, о которых говорили как о "магах и целителях", лечили болезни с помощью магнитных процессов. Утверждали, что они получали такие целительные способности от могущественного дыхания Кибелы, многогрудой богини, дочери Неба и Земли. Поистине, ее родословие и мифы, относящиеся к ней, указывают, что Кибелу считали воплощением и образцом жизненной сущности, источник которой помещался древними между землей и звездным небом, и рассматривали ее как истинный *fons vitae* [животворный источник] всего, что живет и дышит. Горный воздух вокруг этого источника укреплял здоровье и продлевал человеческую жизнь; поэтому в мифе, посвященном Кибеле, ее жизнь как новорожденной хранится на некой горе. Это было до того, как эта *Magna* [великая] и *Bona Dea* [добрая богиня] превратилась в Цереру-Деметру, покровительницу Элевсинских мистерий.

Животный магнетизм (называемый сегодня внушением или гипнотизмом) был существенным действующим фактором в теургических мистериях так же, как и в *асклепиях* -- храмах исцеления Эскулапа, где допущенного туда пациента лечили магнетически в течение "инкубационного" процесса, пока он спал.

Эту творящую и наделяющую жизнью силу -- которую отвергали и высмеивали, именуя теургической магией, обвиняли в последнем столетии в том, что она основана на суевериях и обмане, рассматривая ее как месмеризм, -- сегодня называют гипнотизмом, шаркоизмом, внушением, "психологией", и как угодно еще. Но какое бы выражение ни использовать, оно всегда останется чем-то неопределенным, если его употреблять без соответствующей квалификации. Ибо если бы ее кратко изложили со всеми сопредельными ей науками, -- которые представляли бы собой все науки внутри *данной* науки, -- то в ней бы обнаружились такие возможности природы, о которых никогда даже не мечтали старейшие и наиболее ученые профессора ортодоксальной физической науки. Последние, так называемые "авторитеты", не более чем наивные облысевшие основоположники, столкнувшиеся с тайнами допотопного "месмеризма". Как уже неоднократно утверждалось ранее, все цветы магии, белой или черной, божественной или адской, растут из одного корня. "Дыхание Кибелы" -- *акаша таттва* в Индии -- это единственная главная действующая сила, и она лежит в основании так называемых "чудес" и "сверхъестественных" феноменов во все времена и во всех странах. Так как этот родовой источник универсален,

производимые им эффекты бесчисленны. Даже величайшие адепты вряд ли могли бы сказать, где заканчивается его могущество.

Ключ к алфавиту этих теургических сил был утерян после того, как последние гностики были истреблены жестокими преследованиями церкви; и так как мистерии, иерофанты, теофании и теургии постепенно исчезали из умов людей, в то время как они видели в них лишь некую неопределенную традицию, все они в конце концов были забыты. Но в период ренессанса, в Германии, один ученый теософ, философ *per ignem* [огненный], как он себя называл, вновь открыл некоторые из утраченных секретов фригийских жрецов и Асклепия. Это был великий и несчастный физик-оккультист, величайший алхимик своего времени -- Парацельс. Этот гений был первым из тех, кто в средние века публично предлагал действие магнита в качестве средства для лечения болезней. Теофраст Парацельс -- "шарлатан" и "пьяный обманщик" в глазах, так сказать, "облысевших основоположников" того времени и их сегодняшних наследников -- среди других явлений семнадцатого века ознаменовал появление того, что стало полезными областями знания в восемнадцатом. Это он предложил применять и использовал для лечения различных мышечных и нервных заболеваний намагниченные браслеты, пояса, кольца, ожерелья и ножные браслеты; однако его магниты лечили намного более эффективно, нежели это делают современные электрические кольца. Ван-Гельмонт, преемник Парацельса, и Роберт Фладд, алхимик и розенкрейцер, также применяли магниты в лечении своих пациентов. Месмер в восемнадцатом и маркиз де Пуисегюр в девятнадцатом веке также следовали по их стопам.

В большом лечебном заведении, которое Месмер основал в Вене, он использовал, кроме магнетизма, электричество, металлы и различные деревья. Его основной доктриной было учение алхимиков. Он верил, что все металлы, а также деревья и растения обладают сродством и несут в себе в скрытом виде связь с человеческим организмом. Все во Вселенной развилось из единой гомогенной первоначальной субстанции, разделенной на неисчислимые виды материи, и все они обречены на возвращение обратно. Он утверждал, что секрет излечения состоит в знании соответствия и сродства между родственными атомами. Если обнаружить, что металл, дерево или растение в большой степени обладают соответствующим сродством с телом больного; и если при внутреннем или наружном применении это средство наделяет пациента дополнительной силой для борьбы с болезнью (как правило, развивающейся в результате введения некоторого инородного элемента в организм) и ее изгнания, это, безусловно, приведет к его излечению. Такие лекарства, применяемые Антоном Месмером, были многочисленны и удивительны. Были вылечены люди с сердечными заболеваниями. Даме высокого положения, обреченной на смерть, было полностью возвращено здоровье путем прикладывания определенных симпатических сортов древесины. Сам Месмер, страдавший от острого ревматизма, полностью излечился применением специально приготовленных магнитов.

В 1774 году он на самом деле случайно столкнулся с теургическим секретом прямой витальной передачи; и он был столь сильно заинтересован этим, что оставил все свои старые методы, посвятив себя целиком этому новому исследованию. С тех пор он *месмеризировал* пристальным взглядом и движениями рук и перестал использовать естественные магниты. Таинственные действия таких манипуляций он назвал -- *животным* магнетизмом. Это привлекло к Месмеру множество последователей и учеников. Эксперименты с новой силой ставили во всех городах Европы, и повсюду ее признали как реальный факт.

Около 1780 года Месмер обосновался в Париже, и в скором времени вся столица, от королевской семьи до последних истеричных буржуа, была у его ног. Духовенство было напугано и кричало -- "Дьявол"! Дипломированные "вымогатели" почувствовали все возрастающее оскудение своих кошельков; и аристократия, и двор почувствовали себя на краю безумия от возбуждения. Нет нужды повторять столь хорошо известные факты, но память читателя можно освежить некоторыми деталями, о которых он мог позабыть.

Так случилось, что именно в это время академическая наука была очень горда собой. После многих столетий ментальной стагнации в области медицины и общего невежества, наконец, были сделаны некоторые шаги в направлении истинного знания. Естественные науки достигли решительного успеха, и химия и физика находились на правильном пути, ведущем к прогрессу. Поскольку *ученые мужи* прошлого века не доросли до той высокой скромности, которой столь выгодно отличаются их современные последователи, они надувались тогда от собственного величия. Период похвальной скромности, сопровождаемый признанием относительной малозначимости знаний того времени -- и даже современного знания в этом отношении -- по сравнению с тем, что знали древние, так и не наступил. Это было время наивных хвастливых павлинов науки, выставляющих напоказ свои хвосты и требующих всеобщего признания и восхищения. Господа-оракулы были не столь многочисленны, как в наше время, но все же их количество было значительным. И поистине, не были ли Дулкамары публичных базаров подвергнуты остракизму? Не исчезли ли вскоре *вымогатели*, освободив место для дипломированных докторов с королевским разрешением убивать и хоронить *a piacere ad libitum* [по собственной воле и усмотрению]? Таким образом, клюющий носом "бессмертный" на своей академической кафедре рассматривался как единственный компетентный авторитет в решении вопросов, которых он никогда не изучал, и в вынесении вердиктов о том, о чем он никогда не слышал. Это было ЦАРСТВО РАЗУМА и науки -- в своем детстве; начало великой и ужасной борьбы между теологией и фактом, духовностью и материализмом. В образованных классах общества одна вера слишком часто сменялась полным безверием. Период поклонения науке только что начался, с паломничествами в Академию, на Олимп, где пребывали во всеобщем почтении "сорок бессмертных", с нападками на каждого, кто отказывался проявлять шумное восхищение, эту разновидность младенческого энтузиазма, перед дверью в храм науки. Когда появился Месмер, Париж разделял свою преданность между церковью, которая приписывала Дьяволу все феномены, за исключением своих

собственных *божественных тайн*, и Академией, которая не верила ни в Бога, ни в Дьявола, но лишь в собственную непогрешимую мудрость.

Но были и такие умы, которых не удовлетворяло ни одно из этих верований. Поэтому после того, как Месмер заставил весь Париж столпиться у своих приемных, часами ожидая возможности получить место в кресле рядом с таинственным багетом, некоторые люди думали, что наступило то время, когда истина должна быть обнаружена. Они принесли свои верноподданические желания к королевским стопам, и король тут же приказал своей ученой Академии разобраться в этом. И тогда, пробудясь от своей постоянной дремоты, "бессмертные" учредили "Исследовательский" комитет, в который входил и Бенджамин Франклин, и выбрали некоторых наиболее старых, мудрых и облысевших среди своих "основоположников" для наблюдения за Комитетом. Это было в 1784 году. Каждый знает о том, каков был отчет последнего и окончательное решение Академии. Это дело в целом выглядит сегодня как генеральная репетиция пьесы, один из актов которой был сыгран Лондонским "Диалектическим обществом" и некоторыми крупнейшими английскими учеными почти восемьюдесятью годами позже.

На самом деле, невзирая на противоположный отчет д-ра Жюсьё, академика высшего ранга, и придворного лекаря д'Эслона, который, как очевидец наиболее поразительных феноменов, настаивал на проведении Медицинским факультетом тщательного изучения терапевтического действия магнитного флюида -- их требования потерпели неудачу. Академия не поверила своим наиболее выдающимся членам. Даже сэр Б. Франклин, столь хорошо знакомый с космическим электричеством, не распознал его первоначальный источник, и вслед за Байи, Лавуазье, Магенди и другими провозгласил месмеризм обманом. Второе исследование, которое последовало за первым -- в 1825 году -- принесло не лучшие результаты. Отчет был еще в большей степени подавляющим (см. "Разоблаченную Изиду", том 1, стр. 137-139).

Даже сегодня, когда эксперименты полностью продемонстрировали, что "месмеризм", или животный магнетизм, ныне известный под именем гипнотизма (поистине, несчастное следствие "дыхания Кибелы") -- это факт, все же мы видим большинство ученых, отрицающих его существование. Даже гипнотизм, эта мелкая рыбешка среди величественных экспериментальных психо-магнетических феноменов, кажется слишком невероятным, *слишком загадочным*, для наших дарвинистов и геккелианцев. Вы видите, что необходима большая нравственная смелость, чтобы встретить лицом к лицу подозрения коллег, недоверие публики и хихиканье дураков. "Тайны и шарлатанство переходят из рук в руки", -- говорят они; и "самоуважение и профессиональное достоинство", -- как отмечает Магенди в своей "Физиологии человека", -- "требуют того, чтобы хорошо образованный медик помнил, как легко тайны переходят в шарлатанство". К сожалению, "хорошо образованный медик" не помнит, что физиология среди всего прочего полна тайн -- глубоких, необъяснимых тайн от А до Я, -- и спрашивает, не должен ли он, исходя из вышеприведенного трюизма, выбросить за борт биологию и физиологию как крупнейших представителей шарлатанства в современной науке. Тем не менее, некоторые из здравомыслящего

меньшинства наших медиков предпринимают серьезные исследования гипнотизма. Но даже они, с неохотой вынуждаемые поверить в реальность его феноменов, все же настаивают на том, что они видят в таких проявлениях действие не большего фактора, чем материальная и физическая сила, и таким образом отрицают правомерность именования их животным магнетизмом. Но как только что сказал преподобный м-р Хевис (о нем немного позднее) в "Daily Graphic":

> Феномены Шарко, из всех подобных, являются во многих отношениях идентичными с месмерическими феноменами, и гипнотизм было бы наиболее правильно рассматривать как область месмеризма, чем нечто, отличное от него. Как бы то ни было, факты Месмера, ныне широко признанные, сперва безусловно отрицались.

И их все еще отрицают.

Но хотя они и отрицают месмеризм, они увлекаются гипнотизмом, несмотря на научно признанные сегодня опасности этой науки, в которой медики-практики во Франции опережают английских. И первые утверждают, что между двумя состояниями месмеризма (или магнетизма, как они называют его) и гипнотизма "существует пропасть". Что одно из них благотворно, а другое зловредно, как это, очевидно, должно быть; поскольку, в соответствии и с оккультизмом, и с современной психологией, *гипнотизм вызывается посредством удаления нервного флюида из капилляров нервов,* которые являются, так сказать, часовыми, которые держат двери наших чувств открытыми и впадают в состояние анестезии при гипнотических условиях, позволяя им закрыться. А. Г. Симонин открыл многие полезные истины в своей выдающейся работе "Solution de probleme de la suggestion hypnotique" ["Решение проблемы гипнотического внушения"].*<1> Он показал, что в то время как "в магнетизме (месмеризме) в человеке происходит значительное развитие моральных способностей", и его мысли и чувства "становятся возвышенными, и чувства приобретают аномальную остроту"; в гипнотизме, напротив, "человек становится *простым зеркалом*". Внушение является истинным двигателем в различных процессах, происходящих в гипнотике; и если время от времени "совершаются действия, кажущиеся удивительными, это происходит благодаря гипнотизеру, а не самому человеку". И еще... "В гипнотизме инстинкт, то есть, *животное*, достигает своего наивысшего развития; поистине, столь большого, что афоризм "крайности сходятся" нигде не мог бы получить столь лучшего выражения, как в случае магнетизма и гипнотизма". Эти слова столь же истинны, как и различие между человеком, находящимся под воздействием месмеризма или гипноза. "В одном человеке, его идеальная природа, его моральное эго -- отражение его божественной природы -- подходит к своему крайнему пределу, и он становится полностью небесным существом (*un ange*). В другом же, его *инстинкт* развивается наиболее удивительным образом. Гипнотик низводит себя до уровня животного. С физиологической точки зрения, магнетизм (месмеризм) успокаивает и исцеляет, и гипнотизм, который является лишь результатом неуравновешенного состояния, -- наиболее опасен".

Таким образом, враждебно настроенный Отчет, написанный Бейли в конце прошлого столетия, повлек за собой ужасные последствия в этом веке, но это также и его *карма*. Направленный на то, чтобы уничтожить "месмерическое" безумие, он нанес смертельный удар доверию публики к научным утверждениям. В наши дни *Non-Possumus* [недоверие] королевских колледжей и академий котируется на фондовой бирже всеобщего мнения столь же низко по своей цене, как *Non-Possumus* Ватикана. Дни авторитетов, человеческих или божественных, утекли прочь; и мы уже видим мерцающий на горизонте будущего единственный трибунал, высший и окончательный, перед которым склонится человечество -- ТРИБУНАЛ ФАКТА и ИСТИНЫ.

Да, этому трибуналу оказывают почтение даже либеральные церковники и знаменитые проповедники. Роли сегодня перешли из одних рук в другие, и во многих случаях это наследники тех, кто зубами и ногтями отстаивал реальность Дьявола и его прямую взаимосвязь с психическими феноменами, кто долгие века печатно выступал с бранью в адрес науки. Заслуживающий внимания пример такого рода содержится в уже упоминавшемся письме преп. м-ра Хевиса в "Graphic". Ученый проповедник, кажется, разделяет наше негодование по поводу пристрастности современных ученых, замалчивания истины и неблагодарности к своим древним учителям. Его письмо столь интересно, что его лучшие моменты должны быть увековечены в нашем журнале. Вот его некоторые фрагменты. Он спрашивает:

> Почему наши ученые не могут сказать: "Мы грубо ошибались в отношении месмеризма; он по своей сути истинен"? Не потому, что они являются людьми науки, но просто потому, что они люди. Без сомнения, это унизительно, когда о том, что вы догматизировали во имя науки, вы же говорите: "Я был неправ". Но не более ли унизительно, когда твоя неправота бывает обнаружена; и не в высшей ли степени унизительно после бесполезного изворачивания в плотных сетях неумолимых фактов внезапно падать духом и называть ненавистную сеть "подходящей оградой", в которую вы отныне уже не возражаете быть пойманным? Именно это, как мне кажется, делают сегодня м-р Шарко, французские гипнотисты и их поклонники-медики в Англии. Даже после смерти Месмера в возрасте восьмидесяти лет, в 1815 году, французские и английские "факультеты", за немногими достойными уважения исключениями, высмеивали и отрицали факты так же, как и теории Месмера, но сегодня, в 1890 году, армия ученых внезапно признала их, хотя и стирая (так хорошо, насколько они это могут) имя Месмера, лишив его всех его феноменов, которые они тихо присвоили под именами "гипнотизма", "внушения", "терапевтического магнетизма", "психопатического массажа", и все остальное. Поистине, "Что в имени"?
>
> Хотя я больше озабочен вещами, нежели именами, но я склоняюсь перед пионерами мысли, которые были изгнаны, попраны и распяты ортодоксами всех веков, и я думаю, что немногие ученые могли сделать столько для людей, как Месмер, дю Поте, Пуисегюр, или Майо и Элиотсон; теперь их нет, и следует "построить им надгробия".

Но м-р Хевис мог бы добавить, что вместо этого гипнотисты -- любители от науки -- роют своими собственными руками могилы для умов многих мужчин и женщин; они порабощают и парализуют свободную волю в этих "личностях", превращая бессмертных людей в бездушные, невменяемые автоматы, и расчленяют *их души* с тем же равнодушием, с каким они подвергают вивисекции тела кроликов и собак. Короче говоря, они легко превращаются в "колдунов" и поворачивают науку на безбрежное поле черной магии. Преподобный автор, однако, очень легко прощает преступников; и отмечая, что он признает "различие" (между месмеризмом и гипнотизмом), "не имея пристрастия к какой-либо теории", он добавляет:

> Я занимаюсь главным образом фактами, и то, что я хотел бы узнать, так это почему об этих лечениях и аномальных состояниях возвещается как о современных открытиях, хотя "факультеты" до сих пор высмеивают или игнорируют своих великих предшественников, сами не имея никакой теории, о которой они могли бы договориться, или хотя бы одного-единственного факта, который они могли бы назвать новым. Истина состоит в том, что мы снова ощупью, с большим трудом, пытаемся разрабатывать старые неиспользованные рудники древних; повторное открытие таких оккультных наук точно соответствует возрождению скульптуры и живописи в современной Европе. Вот история оккультной науки в двух словах. 1. Когда-то известная. 2. Утраченная. 3. Вновь открытая. 4. Отрицаемая. 5. Вновь подтвержденная, и медленно, под новыми именами, победившая. Доказательства всего этого являются исчерпывающими и изобильными. Этого может быть достаточно для того, чтобы заметить, что Диодор Сицилийский упоминает о том, как египетские жрецы, за много веков до Христа, приписывали Изиде наделение ясновидением для терапевтических целей. Страбон приписывал то же самое Серапису, в то время как Гален упоминает об одном храме невдалеке от Мемфиса, знаменитом таким гипнотическим лечением. Пифагор, который добился доверия египетских жрецов, полностью поглощен этим вопросом. Аристофан в "Plutus" детально описывает месмерическое лечение -- "и сперва он начал брать голову руками". Целий Аврелиан описывает манипуляции (1569) для лечения болезни, состоящие в том, что "руками проводят от верхних частей тела к нижним"; и была такая старая латинская поговорка: *"Ubi dolor ibi digitus"*, "Где больно, надо приложить руку". Но время не позволяет мне рассказать о Парацельсе (1462)*<2> и его "глубокой тайне магнетизма"; о Ван-Гельмонте (1644)*<3> и его "вере в силу рук при заболевании". Многое в писаниях этих людей прояснилось для современной публики лишь благодаря *экспериментам Месмера*, и имея ввиду современных гипнотистов, становится ясно, что мы должны делать относительно его самого и его учеников. Он безусловно утверждал передачу животного магнетического флюида, которую, как я полагаю, гипнотисты отвергают.

Да, они это делают. Но то же самое ученые делали в отношении более чем одной истины. Отрицать "животный магнетический флюид" -- это, без сомнения, не более абсурдно, чем отвергать циркуляцию крови, что они делали столь энергично.

Некоторые дополнительные подробности о месмеризме, приводимые м-ром Хевисом, могут показаться интересными. Он напоминает нам об ответе написанном сильно обиженным Месмером академикам после их неблагоприятного Отзыва, и называет его "пророческими словами".

> "Вы говорите, что Месмер никогда больше не поднимет снова своей головы. Если такова судьба человека, то не такова судьба истины, которая по своей природе является нерушимой, и воссияет рано или поздно в этой или какой-либо другой стране с еще большим великолепием, чем раньше, и ее триумф уничтожит ее несчастных разрушителей". Месмер с отвращением покинул Париж и до самой смерти уединился в Швейцарии; но знаменитый д-р Жюсьё был обращен в его веру. Лафатер принес систему Месмера в Германию, в то время как Пуисегюр и Делюз распространили ее по всей провинциальной Франции, создавая многочисленные "гармонические общества", занимающиеся изучением терапевтического магнетизма и родственных с ним феноменов передачи мысли, гипнотизма и ясновидения.
>
> Около двадцати лет тому назад я познакомился, вероятно, с наиболее знаменитым учеником Месмера, ныне покойным бароном дю Поте.*<4> Вокруг терапевтических и месмерических подвигов этого человека шла (между 1830 и 1846 годами) резкая полемика по всей Франции. Один убийца был осужден и наказан единственно на основании доказательств, которые предоставили ясновидящие дю Поте. Поэтому мировой судья допустил многих людей на открытый суд. Этого было более чем достаточно даже для скептически настроенного Парижа, и Академия решила вновь провести заседание и, если возможно, разрушить это суеверие. Они заседали, но, странно сказать, в это же время они и уверовали. Итард, Фукье, Гверсент, Бурдуа де ла Мотт, сливки французского факультета, сочли месмерические феномены достоверными -- лечения, трансы, ясновидения, передачу мысли и даже чтение закрытых книг; и с этого времени была изобретена тщательно разработанная номенклатура, в которой, где это было возможно, стирались ненавистные имена неутомимых людей, которые вынудили появление этого научного признания, и в то же время многие факты, подтвержденные Месмером, дю Поте и Пуисегюр, вносились в число бесспорных феноменов, принятых, на основании какой-нибудь теории, медицинской наукой...

Теперь подошла очередь нашего туманного острова и его фанатичных ученых.

> Кроме того, -- продолжает автор, -- Англия была более упрямой. В 1846 году прославленный д-р Эллиотсон, популярный практик с обширной клиентурой, зачитал знаменитую Гарвейскую лекцию, в которой он признал свою веру в месмеризм. Он был осужден медиками с такими результатами, что полностью потерял свою практику и вскоре умер разоренным, если не убитым горем. Им был создан Месмерический госпиталь на Марильбон-роуд. Здесь проводились успешные операции под воздействием месмеризма, и все те феномены, которые впоследствии

> происходили в Лидсе и в других местах и удовлетворили медиков, были получены на Марильбон пятьюдесятью годами ранее. Тридцать пять лет назад профессор Листер проделал то же самое -- но введение хлороформа было более быстрым и намеренно с целью анестезии, что убивало на время месмерическое лечение. Интерес публики к месмеризму угас, и месмерический госпиталь на Марильбон-роуд, который был в тяжелом положении после расправы с Эллиотсоном, в конце концов закрылся. Позже мы узнали, какой была судьба Месмера и месмеризма. Говоря о Месмере, его помещали рядом с графом Калиостро, а сам месмеризм вообще упоминался очень редко; но мы слышим много всего об электробиологии, терапевтическом магнетизме и гипнотизме. О, тени Месмера, Пуисегюра, дю Поте, Эллиотсона -- *sic vos non vobis* [так вы трудитесь, но не для себя]. И все же, я говорю: *Palmam qui meruit ferat* [И на камнях растут деревья]. Когда я познакомился с бароном дю Поте, он был на краю могилы, в возрасте около восьмидесяти лет. Страстный поклонник Месмера, он посвятил всю свою жизнь терапевтическому магнетизму, и был абсолютно уверен в том, что реальная магнетическая аура переходит от месмеризатора на пациента. "Я покажу вам это", -- сказал он однажды, когда мы с ним стояли у постели пациентки, находящейся в столь глубоком трансе, что когда мы вонзали иголки в ее руки и кисти, она не подавала ни малейшего знака или движения. Старый барон продолжал: "Я буду, с расстояния один или два фута, вызывать слабые конвульсии в любой части ее тела при помощи простого перемещения моей руки над этой частью, без какого-либо контакта". Он начал с плеча, которое вскоре стало судорожно подергиваться. Тихо успокоив его, он попробовал локоть, запястье, колено, и конвульсии возрастали по своей интенсивности в зависимости от времени воздействия. "Вы теперь достаточно удовлетворены?" Я сказал: "Полностью удовлетворен"; и он продолжал, -- "некоторых пациентов, которых я испытывал, я подвергал воздействию через кирпичную стену, и в то время, и в таком месте, когда пациент не должен был знать о моем присутствии или моем намерении. Это", -- добавил дю Поте, -- "было одним из экспериментов, наиболее загадочных для парижских академиков. Я повторял этот эксперимент снова и снова, при любых условиях и проверках, с совершенно неизменным результатом, пока самые большие скептики не были вынуждены признать его".

Мы обвинили науку в том, что она на всех парусах погружается в Мальстрим Черной Магии, практикуя то, что древняя психология -- наиболее важная область оккультной науки -- всегда объявляла колдовством, примененным по отношению к *внутреннему* человеку. Мы готовы отстаивать то, что мы говорим. Мы намерены доказать это в ближайшем времени в одной из будущих статей, основываясь на опубликованных фактах и действиях, совершаемых гипнотизмом самих вивисекционеров. Таким образом, эти бесстрастные колдуны не смогут избавиться от тех фактов, что они практикуют Черное Искусство *bel et bien*. Короче, ситуация состоит в следующем. Меньшая часть из образованных медиков и других ученых экспериментирует с "гипнотизмом" потому, что они что-то увидели в нем; большая же часть представителей мира науки до сих пор отрицает существование животного магнетизма в его месмерической форме, даже под его современной маской -- гипнотизма. Первые -- полностью невежественные относительно фундаментальных законов животного

магнетизма -- экспериментируют наугад, полностью вслепую. Если вспомнить в соответствии с их декларациями, что (*а) гипнотизм не* является месмеризмом, и (*б) что магнетическая аура или флюид, исходящий от месмериста (или гипнотизера) -- это чистое заблуждение, они не имеют права, конечно, применять законы древней науки к науке современной. Однако они вмешиваются и пробуждают к действию наиболее опасные силы природы, сами не осознавая этого. Вместо лечения болезней -- единственного использования, для которого животный магнетизм под его новым названием может быть применен законным* образом, -- они зачастую внушают людям свои собственные как физические, так и ментальные болезни и пороки. За все это, и за невежество меньшинства своих коллег, неверящее большинство саддукеев несет огромную ответственность. Ибо, противостоя им, они препятствуют свободе действия и нарушают клятву Гиппократа, делая себя бессильными принимать и совершать многое из того, что верующие могли делать и делали бы другим способом. Но, как верно отметил в своей работе д-р А. Тест:

> *Существуют такие несчастливые истины, которые компрометируют тех, кто в них верит, и особенно тех, кто столь искренен, что признает их публично.*

Таким образом, смысл гипнотизма, хотя он и не изучается надлежащим образом, самоочевиден. Много лет назад было отмечено:

> Долг Академии и медицинских авторитетов -- изучить месмеризм (то есть, оккультную науку в своем духе) и испытать оный; наконец, *изъять его применение и использование из рук тех людей, кто совершенно незнаком с этим вопросом, кто злоупотребляет этими средствами и делает их предметом наживы или спекуляции.*

Тот, кто выразил эту великую истину, был "гласом вопиющего в пустыне". Но те, кто имеет некоторый опыт в области оккультной психологии, пошли бы дальше. Они сказали бы, что это обязанность каждой научной организации -- нет, каждого правительства -- положить конец публичным представлениям такого рода. Применяя *магическое* воздействие человеческой воли на более слабую волю; высмеивая существование *оккультных* сил в природе -- сил, имя которых легион, -- но все же вызывая их под предлогом, что они не являются ни совершенно независимыми силами, ни даже психическими силами по своей природе, но "связаны с известными *физическими* законами" (Бине и Фере), эти авторитетные люди фактически являются ответственными за все ужасные последствия, которые следуют и могут последовать за их опасными публичными экспериментами. Поистине карма -- ужасный, но справедливый карающий закон -- поразит всех тех, кто создал наиболее страшные последствия в будущем, проводя такие ужасные публичные представления для развлечения профанов. Пусть они подумают лишь об опасностях для потомства, о новых формах болезней, ментальных и физических, порожденных таким безумным использованием психической воли! Это столь же вредоносно на моральном плане, как искусственное введение животного вещества в кровь человека, в соответствии с имеющим дурную репутацию методом Броуна Секварда, --

на плане физическом. Они смеются над оккультными науками и высмеивают месмеризм? Все же еще не закончится этот век, как они получат неопровержимые доказательства, что идея преступления, внушенная ради эксперимента, не уносится обратным движением волевого потока столь же легко, как она была вызвана. Они могли бы понять, что если внешнее проявление идеи "внушенного" преступления может исчезнуть из воли оператора, то искусственно внесенное *активное живое зерно* не исчезнет из него; что однажды попавшее в место человеческих -- или, скорее, животных -- страстей, оно может пребывать в скрытом виде иногда годами и внезапно пробуждаться к действию при некоторых непредвиденных обстоятельствах. Известно, что плачущие дети, испуганные до немоты посредством внушения некоего монстра, дьявола, стоящего в углу, глупой няней, впадали в безумие через двадцать или тридцать лет по тому же самому поводу. Существуют таинственные, тайные ящики, темные уголки и потаенные места в лабиринте нашей памяти, до сих пор неизвестные физиологам, которые открываются лишь однажды, в редких случаях дважды, за человеческую жизнь, и лишь при аномальных и очень специфических условиях. Но когда это случается, то это обычно либо героический поступок, совершенный человеком, от которого его совсем не ожидали, либо -- ужасное преступление, причина которого навсегда останется тайной...

Такие эксперименты по "внушению", производимые людьми, несведущими в оккультных законах, представляют собой наибольшую из опасностей за последнее время. Действие и обратное действие идей на *внутреннее низшее* "эго" никогда ранее не изучалось, и поэтому это эго есть *terra incognita* [неведомая земля] (даже когда его не отрицают) для людей науки. Кроме того, такие представления перед разношерстной публикой несут в себе опасность. Люди, обладающие бесспорной научной образованностью, которые экспериментируют с гипнотизмом на публике, дают своими именами санкцию на такие представления. И тогда любой недостойный спекулянт, достаточно хорошо понимающий процесс, может, развиваясь благодаря практике и накоплению той же самой силы в себе самом, применить ее для своих собственных эгоистических, а часто и криминальных целей. *И вот кармические последствия:* любой гипнотизер, любой человек науки, пусть даже свободомыслящий и достойный уважения, однажды позволивший себе стать бессознательным инструктором того, кто изучал лишь злоупотребления тайной наукой, становится, без сомнения, моральным сообщником каждого преступления, совершенного таким образом.

Таковы последствия публичных "гипнотических" экспериментов, которые таким образом приводят к ЧЕРНОЙ МАГИИ, а фактически и являются таковой.

"Люцифер", июнь 1890 г.

Перевод: Константин Леонов

---

*<1> См. обзор данной его работы в "Journal du Magnetisme" (май, июнь 1890), журнале, который был основан бароном дю Поте, и ныне редактируется Г. Дюрвилем в Париже.

*<2> Эта дата ошибочна, Парацельс родился в Цюрихе в 1493 г.

*<3> Это дата смерти Ван-Гельмонта; он родился в 1577 г.

*<4> Барон дю Поте был многие годы Почетным членом Теософского общества. В его собственноручно написанных письмах, полученных нами и хранящихся в Адьяре, нашей штаб-квартире, он порицает ненаучный и легкомысленный подход *"par les charlatans du jour"* [современных шарлатанов], которые берутся судить о месмеризме (тогда он был на грани того, чтобы стать научным "гипнотизмом"). Если бы он дожил до того, чтобы увидеть тайну науки, опустившуюся до такой полной пародии, как гипнотизм, его могущественный голос смог бы предотвратить нынешние ужасные злоупотребления месмеризмом и его деградацию в коммерческий балаган Панча и Джуди. К счастью для него, и к несчастью для истины, величайший адепт месмеризма в Европе этого столетия -- скончался.
